

**Терпигорев Сергей Николаевич**

**Собрание сочинений С.Н.  
Терпигорева (С. Атавы)**

**Том 4**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1  
ББК 84-5  
С32

С32      **Сергей Николаевич Т.**  
Собрание сочинений С.Н. Терпигорева (С. Атавы): Том 4 / Терпигорев Сергей Николаевич –  
М.: Книга по Требованию, 2023. – 573 с.

**ISBN 978-5-519-76558-9**

**ISBN 978-5-519-76558-9**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



# МАРѢИНЬКИНО СЧАСТЬЕ

(посвящается Д. В. ГРИГОРОВИЧУ.)

---

## I.

Верстахъ въ семи или восьми отъ насъ была деревня Чибиловка, принадлежавшая господамъ Чибисовымъ, — всего дворовъ двадцать-тридцать. Отъ насъ, да и вообще, Чибисовка была въ сторонѣ. Чтобы попасть туда, надо было ѣхать нарочно, и только туда, потому что въ эту сторону и за Чибисовку на далеко не было никого помѣщиковъ: тянулись какія-то казенныя земли, земли государственныхъ крестьянъ и огромная, тысячь въ тридцать десятинъ, Гагаринская степь, которую держали въ арендѣ купцы братья Буданцевы. Тамъ, по степи, были у нихъ хутора со скворешнями на высокихъ-высокихъ шестахъ, ходили гурты быковъ и громадныя, мохнатыя собаки, гремѣвшія цѣпами и лаявшія на проѣзжающихъ какимъ-то особеннымъ, хриплымъ голосомъ. Все это я помню еще маленькимъ, когда намъ приходилось куда-то проѣзжать по этой степи, мимо хуторовъ, быковъ и этихъ огромныхъ, мохнатыхъ собакъ, кидавшихся на насъ и гремѣвшихъ цѣпами.

Жара. Полдень. Мы ѣдемъ въ каретѣ шестерикомъ, съ форейторомъ, по этой необозримой, ровной степи. Тамъ и сямъ виднѣются гурты быковъ. Стоять отпряженные повозки съ пучками ковыля у козелъ — эмблема степи; возлѣ

спутанные лошади щиплют траву. Тутъ же прасолы развели огонь и въ котелѣ варятъ кашу. По вѣтру тянетъ—пахнетъ дымкомъ... Въ каретѣ сидятъ матушка, гувернантка, а между ними—сестра Соня. Противъ нихъ сидятъ нянька Устинья и Евпраша-горничная, а между ними я сижу. На козлахъ сидятъ кучеръ Михей и рядомъ съ нимъ нашъ выѣздой лакей Никандръ. Впереди скачетъ фореиторъ Андришка, одѣтый кучеренкомъ, человекъ лѣтъ тридцати пяти, но, по причинѣ своего малаго роста, кажущійся совсѣмъ еще мальчикомъ,—первый фореиторъ въ околоткѣ. Мы видимъ только спины Михея и Никандра, Андришку мы не видимъ—его мы можемъ видѣть только на поворотахъ, когда онъ заскакиваетъ со своими лошадьми направо или налево, куда поворачиваетъ дорога... Матушка ужасно боится быковъ, какъ бы они не вскочили и не кинулись на насъ, и потому, если гуртъ улегся близко отъ дороги, или совсѣмъ лежитъ на ней, Михей ѣдетъ шагомъ. По матушкѣ—и мы трусимъ, съ боязнію смотримъ на огромныхъ сизо-дымчатыхъ быковъ съ разлатыми, громадными рогами, спокойно лежащихъ и жующихъ.

— Рога-то какіе... ахъ, страсть!..—говоритъ матушка и даже зажмуривается со страху или отворачивается въ другую сторону. Но и тамъ, по другую сторону дороги, лежатъ такіе же огромные сизые быки, съ такими же страшными рогами.

— Да вѣдь они лежатъ смирно,—говорю я, желая показать, что я ихъ не боюсь, а у самого душа уходитъ въ пятки.

— Да, лежатъ... А когда вскочатъ, тогда ты куда дѣнешься? Увидятъ что-нибудь красное, имъ покажется, что это кровь, и кинутся...

И все это мѣсто, долго—иной гуртъ растянется чуть не на версту—мы ѣдемъ шагомъ.

— А отчего же они кинутся, если ѣхатъ рысью?—опять начинаю я.

— Почему же я знаю—ты спроси ихъ, — говоритъ матушка. — Разъ на «дядю Яшу» кинулись же, когда онъ ѣхалъ мимо гурта съ колокольчикомъ.

— Съ колокольчикомъ, а вѣдь мы безъ...

— И безъ колокольчика—все равно—могутъ кинуться... Ахъ, тогда Яковъ Дмитріевичъ рассказывалъ — и страхъ только, —обращается она къ гувернанткѣ. — Услыхали они колокольчикъ, ночью это было, ночь лунная, они всѣ повскакали и бѣгутъ. Онъ ѣдетъ, а они—цѣлый гуртъ—по бокамъ бѣгутъ. Да такъ версты три за нимъ бѣжали. Насиду и прасолы-то ихъ остановили: скачутъ, да и только—никакъ и остановить ихъ не могутъ. Онъ—вѣдь вы знаете какой?—ничего не боится, а тутъ струсилъ. Да какъ же, помилуйте, ночью—п за вами цѣлый гуртъ бѣжить...

— Ахъ!—вздрагиваетъ гувернантка, пожимается и глубже прячется въ уголь кареты.

Но вотъ быки кончились, и мы опять ѣдемъ рысью. Опасность миновала, матушка сидитъ, улыбается.

— Боюсь я ихъ,—говоритъ она, и точно оправдывается въ своей боязни.

Повеселѣла и гувернантка. Сидитъ, тоже смотритъ на насъ и улыбается.

— Они, вѣдь, сударыня, такъ никогда не трогаютъ—это ужъ я не знаю, что на Якова Дмитріевича они бросились,—начинаетъ нянька.—Колокольчика, развѣ, его испугались...

— Ахъ, Устинья, ну, какъ ты это говоришь? Влѣзешь ты развѣ въ нихъ, развѣ ты была у нихъ на умѣ? Не тронуть, не тронуть, да вдругъ и кинутся,—объясняетъ ей матушка.—Ну, просто покажется имъ что-нибудь, красное увидятъ...

Ѣдемъ дальше. Вдали показался хуторъ—высокая, большая деревянная изба въ родѣ дома, но только какой-то особенной совѣмъ постройки, невеселая, мрачная; на крышѣ, на шестахъ, скворешни. Передъ домомъ-избой—нѣсколько

колодцевъ съ высокими журавцами; за домомъ—обширные дворы для быковъ, съ навѣсами, съ тесовыми воротами. И кругомъ—ни одного деревца, никакого признака зелени. Даже трава—и та вся вытоптана, выбита. Все кругомъ желто, сѣро. Вѣтеръ доносить запахъ гари, навоза, дегти, мочалы и еще какой-то противный запахъ.

— Что это такое? Чѣмъ это пахнетъ? — спрашиваетъ матушка, нюхая воздухъ.

— Къ хутору подѣзжаемъ. Ужъ близко, — отвѣчаетъ нянька, заглядывая въ окно кареты.

— Отчего это?—спрашиваемъ мы.

— Да вѣдь онп тамъ скотину бьютъ; кожи, внутренности, кровь... все это...—объясняетъ намъ кто-нибудь—матушка или нянька.

— Какую скотину—этихъ, вотъ, быковъ?

— Ну, да. Какой заболѣетъ если, ногу сломаетъ... Потомъ мясо солить... у нихъ, вѣдь, много людей живетъ...

Вотъ ужъ и хуторъ. Подѣхали. У колодцевъ, что стоятъ передъ домомъ, Михей останавливаетъ карету. Тутъ онъ будетъ поить лошадей. Всѣ—Никандръ, Михей, фореиторъ—слѣзаютъ, оправляются, идутъ къ колодцамъ. Мы смотримъ, какъ они опускаютъ въ нихъ, привязанныя къ журавцамъ, огромныя бадья, окованныя желѣзомъ, и какъ эти бадья съ грохотомъ летятъ туда, въ глубинну. Журавцы, наклоняясь, скрипятъ. Бадья наполнилась водой—ее тащатъ, журавецъ подымается; толстый ковецъ его, къ которому привязаны, чтобъ сдѣлать его еще тяжелѣе, цѣлые пни, ломаные колеса, коснулся, наконецъ, земли; показалась и бадья. Михей ее вытаскиваетъ и ставитъ на срубъ колодца. Лошади почували воду, смотрятъ на нее, фыркаютъ. Михей и фореиторъ изъ бадьи наливаютъ воду въ ведра и несутъ къ лошадямъ, которыхъ ужъ раньше разнуздали. Лошади при-  
смирѣли и пьютъ тихо, беззвучно. Намъ видно все это въ окно кареты, потому что лошадей «подвернули» къ колодцу... Мы смотримъ также и на хуторъ. Тамъ, по двору, завален-

ному сухимъ навозомъ, бродягъ куры, пѣтухи съ необыкновенно блестящими перьями на шеяхъ и въ хвостахъ. На крышахъ и у воротъ прибиты громадныя, сѣрыя, разлаты бычьи рога. Это украшеніе. Изъ оконъ на насъ смотрять какіе-то люди. Сквозь грязныя маленькія стекла виденъ тамъ у нихъ самоваръ. Вотъ вышла какая-то толстая баба въ розовомъ ситцевомъ сарафанѣ, съ подсученными рукавами, остановилась на крыльцѣ и смотритъ на насъ. Вотъ выходитъ еще кто-то въ розовой же ситцевой рубашкѣ, въ синемъ жилетѣ и въ высокихъ, длинныхъ, какъ охотничьи, сапогахъ въ обтяжку, и тоже останавливается на крыльцѣ и смотритъ на насъ. Выходятъ еще и еще въ такомъ же одѣяніи люди.

— Мама, кто это?

— Прасолы, мѣщане, приказчики,—отвѣчаетъ матушка, посматривая тоже на нихъ.

Но вотъ на крыльцо выходитъ въ такой же розовой рубашкѣ и въ такомъ же синемъ жилетѣ съ голубыми, блестящими стеклянными пуговицами, высокій, выше ихъ всѣхъ, человѣкъ лѣтъ тридцати, красавецъ, загорѣлый, съ короткой подстриженной черной бородкой. Всѣ дали ему дорогу, и онъ, на ходу, надѣвалъ въ рукава синюю же поддевку, идетъ къ намъ, къ каретѣ.

— Это Буданцевъ, мама?

— Буданцевъ,—тихо отвѣчаетъ матушка.

Шаговъ за пять, на ходу же, онъ кланяется, улыбается, застегивая поддевку.

— Здравствуй, Григорій Пареевичъ! — говоритъ ему матушка.

Буданцевъ подошелъ къ самому окну.

— Что жъ, сударыня, чайку бы? — говоритъ онъ. — У насъ живо. Самоваръ кипитъ...

— Спасибо, Григорій Пареевичъ. Когда же теперь? Это ужъ другой разъ. Лошадей ужъ напоили; надо ѣхать. Ну, что, какъ поживаешь?

— Славу Богу, матушка. Да вы бы хоть на минутку!

— Нѣтъ, нѣтъ, когда же ужъ!.. Одинъ ты здѣсь или и братья?

— Одинъ. Братья: Иванъ—въ Коломнѣ, Степанъ—на низы поѣхалъ.

— Куда?—спрашиваю я.

— На Донъ, въ Ростовъ... туда, внизъ,—скороговоркой объясняетъ матушка.—За гуртами?—спрашиваетъ она Буданцева.

— Да-съ. Тамъ у насъ, признаться, куплено тысячъ пять головъ.

— Ухъ, сколько!—удивляемся мы.

Буданцевъ съ улыбкой смотритъ на насъ.

— Много?

— Много. И всѣхъ вы ихъ сюда приведете?

— Какіе сюда пойдутъ, какіе—прямо на Москву, въ Петербургъ,—объясняетъ онъ намъ.

— А вотъ чтò, Григорій Парѣнычъ,—перебивая насъ, говоритъ матушка:—какъ же мы въ этомъ году насчетъ ягодъ-то?

— Да ужъ есть, сударыня. Поспѣли. Прикажете? Вы назадъ-то когда поѣдете?

— Дней черезъ пять.

— Хорошо-съ. Я велю приготовить—будутъ. Клубника нынче крупная и такая сильная—страхъ! По степи ѣдешь, такъ мѣстами просто все усѣяно ею. Вся земля красная. Идешь—давишь ее, нога скользитъ даже.

— Ахъ, и наварила бы я изъ нея варенья!—говоритъ матушка, слушая его.—У насъ нѣтъ ея нынче. И всегда мало ея въ полѣ, а нынче и совсѣмъ нѣтъ. Садовая—это не то.

— Гдѣ же садовой противъ степной! Степная слаще и тоже вкусъ совсѣмъ другой,—соглашается Буданцевъ.

— А гдѣ она у васъ?—опять спрашиваемъ мы—я или моя сестра Соня.

— Да вездѣ, по всей степи.

— Гдѣ быки ходять?

— И тамъ, и вездѣ. А какъ у васъ, сударыня, овсы нынче?—въ свою очередь спрашиваетъ матушку Буданцевъ.

— Ничего, хороши,—отвѣчаетъ она.—Что Богъ дастъ дальше.

— Осенью прїѣдемъ покупать.

У окна кареты появляется Никандръ.

— Напоили? Готово?—спрашиваетъ его матушка.

— Готово-съ.

— Ну, надо ѣхать,—говорить она.

— Прощайте, матушка. Такъ за клубникой-то заѣдете на обратномъ пути?—прощаясь, спрашиваетъ Буданцевъ.

— Какъ же, непременно. Прощай, Григорій Парѣнычъ! Черезъ пять дней...

Карета трогается; мы оправляемся, усаживаемся хорошенько.

Этого Буданцева мы давно знаемъ. Онъ раза два въ годъ прїѣзжаетъ къ намъ, и случается это всегда осенью глубокой, зимой. Онъ, въ синемъ полушубкѣ и высокихъ сапогахъ,—мы видимъ,—проходитъ черезъ залъ въ кабинетъ, къ отцу. Тамъ онъ пьетъ чай; туда ему подають на подносѣ закуску—графинчикъ съ водкой, икру, сыръ. Потомъ они ходять съ отцомъ на конюшню, смотрять лошадей,—пмъ ихъ выводятъ; потомъ ходять они въ амбары. Тамъ что-то долго пробываютъ. Возвращаются въ домъ. Опять въ кабинетъ несуть чай. И они еще долго сидятъ, и все говорятъ-толкуютъ о лошадяхъ, объ урожаѣ, о пшеницѣ, объ овсѣ. Потомъ Буданцевъ вынимаетъ, завернутыя въ бумагу, толстыя пачки денегъ. Онъ такія сальныя, истертые! Эти деньги они тамъ съ отцомъ долго считаютъ; потомъ отецъ что-то пишетъ. Деньги беретъ къ себѣ, а эту написанную бумажку передаетъ Буданцеву, который ее читаетъ, потомъ складываетъ и кладетъ въ свой огромный бумажникъ. Потомъ они говорятъ все другъ другу: «Дай

Богъ и на будущее время!..» — «Да чего же? Съ обѣихъ сторонъ, кажется, честно, хорошо...» Все это мы съ сестрой видѣли и слышали сколько разъ, заглядывая подъ какимъ-нибудь предлогомъ въ кабинетъ къ отцу, когда мы знали, что тамъ сидитъ этотъ Буданцевъ.

Но вотъ мы ѣдемъ дальше. При поворотахъ—дорога все вправо пошла—видно, хуторъ ужъ далеко остался позади. Кругомъ все степь, гладкая, ровная, изжелта-зеленая. Только впереди, куда идетъ дорога, что-то густо зеленѣетъ, и этого темнозеленаго видна огромная, длинная полоса. И чѣмъ дальше мы ѣдемъ, тѣмъ все больше и больше вырастаетъ полоса. Наконецъ, она занимаетъ впереди ужъ половину всего видимаго пространства земли.

— Чтò это?—спрашиваемъ мы.

— Гдѣ?

Нянька глядитъ въ окно кареты.

— Вонъ тамъ... это зеленое...

— Проса,—отвѣчаетъ она.

— Отчего же они такія темныя?

— По пласту—вѣдь это пластовое.

Подходить и полоса. Мы ѣдемъ—по обѣимъ сторонамъ дороги просо, густое, высокое, какъ конопля; листья широкіе, темнозеленые.

— Вотъ такъ просо!—говоритъ матушка.

— Отчего оно такое... густое, зеленое?—спрашиваю я опять.

— Вѣдь ты слышала,—отвѣчаетъ матушка:—оттого, что оно по пласту сѣяно, по нѣви. У насъ оно по старой землѣ, а это по нѣви...

Долго мы ѣдемъ такимъ просомъ, и теперь ужъ куда ни взгляни—вездѣ все только одно просо и просо, зеленое, высокое, цѣлое море проса, и оно волнуется, шелеститъ; слышится какой-то особенный немолчный гулкій шелестъ отъ его листьевъ, головокъ-кистей, тяжело наклонившихся.

— Сколько его, однако, у нихъ засѣяно-то!—говоритъ даже и нянька Устинья.

— Они много сѣютъ,—отвѣчаетъ ей матушка.—Въ прошломъ году что-то, если не ошибаюсь, у нихъ было три тысячи десятинъ его.

— Вотъ денегъ-то заберутъ!—воскликаетъ нянька.

— Это кто же?—спрашиваемъ мы.

— Все Буданцевы,—говоритъ матушка.

— Это все ихъ?

— Все.

— И куда столько денегъ?—продолжаетъ нянька.—Вѣдь это и въ вѣкъ не проживешь.

Матушка слушаетъ ее и улыбается.

— Да какъ же, сударыня, и въ самомъ дѣлѣ: ну, куда имъ столько?—говоритъ она.

Кончилось просо, опять началась степь; но это ужъ не та совсѣмъ, какая прежде была,—это какая-то выжженная точно, и земля сѣрая совсѣмъ. Кое-гдѣ тощіе кустики бобовника, дикихъ вишенъ и такъ какія-то растеньица съ мелкими, тощими листиками.

— Чтò это, ужъ и солончаки никакъ? — спрашиваетъ матушка.

— Солончаки-съ,—отвѣчаетъ нянька.

— Это соленая земля?—спрашиваю я.

— Да.

Я помню, мнѣ еще въ прошломъ году это объясняли, когда мы ѣхали по этой же дорогѣ и когда я спрашивалъ—что такое солончаки. «Это очень плохая земля»,—говорили мнѣ:—«на ней нельзя сѣять хлѣбъ, по ней можно только коровъ и овецъ пасти, и то надо смотрѣть, чтобы онѣ не наѣлись земли—онѣ любятъ соль и гложутъ землю».

Солончаки тоже долго тянутся, и мы долго ѣдемъ по нимъ; но, наконецъ, и они кончаются. За ними начинается ужъ обыкновенная пашня, но все посѣяно какъ-то клочками, небольшими кусками: десятина овса, десятина проса, десятина гречихи.

— Отчего это здѣсь все такъ... понемножку?

— Мужицкая... Степь ужъ кончилась. Это казенная—крутовскихъ мужиковъ. Теперь сейчасъ Крутое будетъ,—отвѣчаютъ намъ.

— Это Крутое вѣдь казенное?

— Казенное.

— Оно ничье?—допытываюсь я.

— Ничье,—говорить матушка.

Крутое—огромное село государственныхъ крестьянъ. Тамъ два раза въ недѣлю базаръ. Двѣ церкви въ немъ. Тутъ же, гдѣ церкви, по другую сторону базарной площади, стоятъ какіе-то домики, но не такіе совсѣмъ, какъ нашъ вотъ деревянный домъ и дома сосѣдей, а особенные, въ родѣ вотъ какъ въ нашемъ городѣ—маленькіе, сѣренькіе, съ зелеными крышами, съ бѣленькими крашеными же ставнями,—это квартира станового, волостное правленіе, сельская школа и еще что-то. Тутъ же, недалеко, каменные, бѣлые. избы—постоялые дворы, лавки, въ которыхъ все есть: и чай, и сахаръ, и деготь, и сбруя, и мука, и огромные, бѣлые, рыхлые хлѣбы совсѣмъ особаго вкуса—мы пробовали ихъ, и они очень нравятся намъ. Ихъ много съѣдаютъ съ молокомъ и медомъ и Михей, и Андриушка, и Никандръ, когда они обѣдаютъ на постояломъ дворѣ, во время остановокъ, отдыха и корма лошадей...

И все это за Чибисовыми. Чибисовка—послѣдняя деревня, такая же, какъ наша и всѣ другія, за которой начинается этотъ новый для насъ и совсѣмъ особенный міръ. Тамъ все иное. Тамъ, кажется, и воздухъ-то особенный, съ запахомъ мочала, кожи, муки, дегтя, краски,—товаромъ, городомъ пахнетъ. У насъ всѣ въ бѣлыхъ рубахахъ, а тамъ все какія-то пестрыя, розовыя, ситцевыя. У насъ, проѣхали верстъ пять—домъ, садъ; возлѣ—деревня; и такъ все время. Проѣхали Ивановку—Петровка. Проѣхали Петровку—Алексѣевка. За Алексѣевкой—Покровское. Вправо видна Семеновка; за ней мословскіе выселки... А тутъ—или чистое поле, степь съ хуторами, быками, или громадное село;